

В. В. Лапин

Историческая память о событиях Крымской войны 1853–1856 гг. на Кавказе*

Осенью 1853 г. грохот пушек возвестил о начале нового крупного европейского конфликта, получившего затем сразу два названия, которые с разной степенью частоты употреблялись в обиходе и в исторической литературе. Первое — Восточная война, поскольку она стала одной из составляющих так называемого Восточного вопроса, представлявшего собой клубок политических проблем, связанных с интересами различных стран на Балканах, в Причерноморье и в Средиземноморье. В нее оказались втянуты сильнейшие европейские державы — Россия, Турция, Франция, Англия и Франция. Австрия (не участвовавшая напрямую в войне) оказала огромное влияние на развитие событий. Бои шли сразу на нескольких театрах: в Балтийском море англо-французский флот бомбардировал Свеаборг, взял недостроенную крепость Бомарзунд на Аландских островах, разорял побережье Финляндии, угрожал Санкт-Петербургу, устроив якорную стоянку под Кронштадтом. Корабли союзников обстреляли Соловецкий монастырь и сожгли городок Колу на берегу Баренцева моря. На Дальнем Востоке французы и англичане атаковали Петропавловск-Камчатский, но потерпели неудачу. Правда, после ухода противника защитники города сами покинули его и перебрались на материк. На Дунае русские войска сняли осаду Силистрии и под угрозой вступления Австрии в войну покинули Валахию и Молдавию. На Черном море противники России активно действовали на побережье от Новороссийска до Поти, бомбардировали

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325 «Российская армия XVIII — начала XX в. как социокультурный феномен».

Одессу и крепость Кинбурн, прикрывавшую вход в Днепровский лиман. Главные же события развернулись на Крымском полуострове, а наиглавнейшие — в окрестностях Севастополя, выдержавшего 11-месячную осаду (сентябрь 1854 — август 1855 г.). Защита этого города стала одним из важнейших событий в истории России, одним из паролей ее воинской славы, одной из важнейших глав национального «исторического романа». Герои этой эпопеи — адмиралы П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, Истомин, Тотлебен, а также легендарные фигуры из народа (матрос Кошка и сестра милосердия Даша Севастопольская) заняли самые высокие позиции в российском военном пантеоне.

Петербург всегда планировал операции на Кавказе для отвлечения турецких сил от Балканского театра военных действий. Насколько это удавалось — вопрос спорный, но бесспорным является то, что все кампании на пространстве между Каспийским и Черным морем для России были победными. В 1853–1856 гг. русская армия в Западной Армении сначала сдержала натиск противника, а затем перешла в наступление. В ноябре 1853 г. турки были наголову разбиты под Ахалцыхом. Затем они потерпели поражения при Баш-Кадыкляре, Чолоке, Игдыре, Кюрюк-Дара. Несмотря на полное господство англо-французского флота на Черном море, союзникам не удалось добиться успехов в Западной Грузии. Штурм ключевой турецкой крепости Карса в 1855 г. оказался неудачным, но голод заставил гарнизон капитулировать. К моменту заключения Парижского мира русская армия заняла значительные территории азиатской Турции. Можно говорить о явной исторической несправедливости, даже о парадоксе: в европейской части империи армия сдавала крепости и терпела неудачи в полевых сражениях, а азиатской — крепости брала и нещадно била противника, но внимание современников и потомков было приковано в первую очередь к событиям в Крыму.

В дореволюционной России память о Крымской войне увековечена в 42 монументах, из которых 34 находятся на одноименном полуострове. Обращает на себя внимание тот факт, что с сугубо военной точки зрения кампании 1854–1855 гг. представляли собой череду неудач (противник добивался своих целей, русские войска несли тяжелейшие потери, отступали с поля боя). Однако все значимые события отмечались монументальными сооружениями. 8 сентября 1854 г. союзники разбили русскую армию на реке Альме и открыли себе путь на Севастополь. К 30-летию на месте сражения был установлен 10-метровый обелиск и отдельно памятник чинам 61-го Владимирского пехотного полка, почти полностью уничтоженного в этом бою. 13 октября 1854 г. русские части безуспешно атаковали Балаклаву, намереваясь уничтожить базу снабжения осадного корпуса. В 1904 г. там появилось два памятника: колонна с лаконичной надписью «Сражение Балаклавское 13 октября 1854 г. Убито 7 офицеров и 124 нижних чина». Неподалеку в 1912 г. потомки тех, кто служил в Киевском

гусарском полку, поставили небольшой обелиск своим героическим предкам, отличившимся при попытке взять этот город. В 1900-е гг. в Крыму появились еще три памятника трем боям, которые закончились неудачей для российской стороны — на Инкерманских высотах, на реке Черной и у Евпатории. Далее список памятников Крымской войны на полуострове пополнили бронзовые фигуры Корнилова, Нахимова, Тотлебена, Остен-Сакена, матроса Шевченко и 13 знаков на местах севастопольских укреплений. В Белом море стычки с вражескими кораблями закончились бескровно, что не помешало появлению на Соловках и возле деревни Лямцы скромных памятных сооружений. Летом 1855 г. англо-французская эскадра безнаказанно обстреляла Свеаборг, лишив жизни 63 русских матроса и солдата, на могиле которых уже в 1857 г. была установлена шестиметровая пирамида, увенчанная чугунным крестом. Трудно назвать эпохальной битвой срыв высадки англо-французского десанта в Петропавловске-Камчатском 20 и 24 августа 1854 г., но представление о характере и масштабах столкновения формируется двумя памятниками. Первый установлен в 1882 г. в Петропавловске и представляет собой обелиск, очень похожий на типовые монументы по проекту Д. Адамини, которыми отмечались места важнейших битв Отечественной войны 1812 г. Трудно не увидеть в этом попытку придать особую значимость обороне Петропавловска. В 1908 г. во Владивостоке открыли памятник адмиралу В. С. Завойко, командовавшему гарнизоном Петропавловска¹.

Этот экскурс в историю поминовения героев Крымской войны со всей очевидностью показывает, что гораздо более значимые события 1853–1856 гг. на Кавказе не удостоились монументальных сооружений. Ни одна битва, ни один военачальник, отличившийся в 1853–1856 гг., не были запечатлены не только в граните или бронзе, но даже в сооружениях из менее дорогих материалов. В этом регионе в XIX — начале XX в. из местного камня усилиями жителей и войск были возведены несколько обелисков: в честь побед над горцами и персами при Иори (1800 г.), Елизаветполе (1826), Эчмиадзине (1827), Гунибе (1859) и др.

Особо следует отметить историю памятника в Ахалцыхе. В 1828 г. войска под командованием генерала И. Ф. Паскевича, любимца Николая I, взяли город приступом, разгромив предварительно турецкие войска, стянутые для защиты этого важного стратегического пункта. Император в 1837 г. повелел установить соответствующий монумент, причем выбран был типовой обелиск, отмечавший места сражений 1812 г. Царское решение исполнили только в 1863 г., т. е. через 10 (!) лет уже после второго сражения при Ахалцыхе. Однако на установленном мемориале все надписи касались исключительно событий 1828 г.²

Единственным памятником воинам Кавказской армии в годы Крымской войны стала часть монумента «Русским воинам, доблестно павшим при штурмах крепости Карс в 1828, 1855 и 1877 гг.». На бронзовых досках перечислены воинские части, braveшие город приступом, взятые трофеи и число павших. Кроме того, на постаменте были бронзовые барельефы главнокомандующего

на Кавказе великого князя Михаила Николаевича и трех генералов, руководивших осадой (И. Ф. Паскевич, Н. Н. Муравьев-Карский, М. Т. Лорис-Меликов)³. Нет сомнений, что данная коммеморативная акция имела место исключительно в рамках прославления подвигов армии России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Монумент, установленный в 1910 г., служил важнейшим символическим знаком, утверждавшим господство империи Романовых в Западной Армении, где Карс являлся главным военно-стратегическим пунктом.

Имя на борту военного корабля — показатель высокого положения упомянутой персоны в национальном пантеоне, а события — в перечне самых важных в военной истории страны. Такую традицию заложил Петр Великий, называя фрегат, спущенный на воду в 1702 г., «Шлиссельбург» в честь взятия этой крепости. Почти каждое третье крупное боевое судно российского флота (линейный корабль, фрегат, крейсер, корвет и пр.) носило памятное имя: «Полтава», «Бородино», «Чесма», «Адмирал Нахимов» и т. д.⁴ После Крымской войны этот мемориальный список пополнили броненосец и линкор «Севастополь» (спущены на воду в 1895 и в 1911 гг. соответственно), броненосец «Синоп», крейсера «Адмирал Нахимов», «Адмирал Корнилов» (спущены на воду в 1885, 1887 гг.). Это не вызывает вопросов, поскольку оборона города в 1854–1855 гг. прочно и заслуженно вошла в героическую летопись отечественных вооруженных сил, заняла в ней высокое место наряду с викториями Северной войны и с победами над Наполеоном Бонапартом, что отразилось и в названиях боевых судов (более двух десятков парусных и паровых кораблей «Нарва», «Полтава», «Бородино», «Лейпциг» и пр.). Как и в ситуации с монументами, налицо явное и трудно объяснимое внимание к событиям 1853–1856 гг. на Дальнем Востоке на фоне столь же явного и трудно объяснимого забвения успехов русского оружия в Закавказье. В 1858 г. в списках флота появился фрегат «Петропавловск», а в 1892 и в 1911 гг. соответственно — эскадренный броненосец и дредноут. В 1910 г. был спущен на воду сторожевой корабль «Адмирал Завойко». Крейсер «Аврора», знаменитый своим участием в событиях 1917 г., получил имя в память о фрегате, отличившемся в обороне Петропавловска.

Нельзя исключать, что забвению боевых действий на Кавказе в 1853–1856 гг. способствовала национальная окрашенность, присущая военно-историческим мифам. Несмотря на явно имперский характер вооруженных сил России XVIII — начала XX в., в коммеморации заметно благоволение к персонам с русской фамилией. Победителями турок при Ахалцихе, Башкадыкляре, Игдыре, Чолоке, Курюк-Дара были генералы Андроников (Андроникашвили), Эристов (Эристави), Майдель, Бруммер, Филипсон, Врангель, Бебутов (Бебутян). Н. Н. Муравьев-Карский в историографии традиционно числится в категории антигероев, что не могло не повлиять отрицательно на его шансы получить благодарность потомков.

Военные успехи в Закавказье позволили России сохранить лицо при подготовке Парижского мирного договора. Занятые союзниками территории в Кры-

му возвращались в обмен на Карс, Баязет, Олты, Ардаган, Кагызман и земли, прилегающие к этим крепостям. Англия, заинтересованная в максимальном ослаблении морской мощи России, первоначально требовала уничтожения Николаева — центра судостроения на Черном море. Но реальный русский гарнизон в Карсе угрожал британским интересам больше, чем возможное возрождение русского флота. Поэтому Лондон был вынужден смягчить свои требования. Если бы не победы Кавказской армии, отечественным дипломатам пришлось бы очень нелегко: у них не было бы козырей на переговорах. Изменения границы в пользу России в Закавказье неизбежно обесценивали взятие Севастополя союзниками, наносили удар по отношениям европейских держав с Турцией (получалось, что свои интересы Англия и Франция обеспечивали за счет последней).

Историки всех эпох также проявляют большее благоволение к боям на этом полуострове. Поэтому нет ничего удивительного, что название «Крымская война» занимало все более и более прочные позиции и наконец окончательно укрепилось в текстах об этом конфликте. В некоторой степени такое переименование объясняется тем, что в 1853–1856 гг. на Кавказе шла война с горцами, тянувшаяся уже не одно десятилетие, и в сознании россиян известия о сражениях с турками и персами сливались в один информационный поток с реляциями о боях в Чечне, Дагестане и Черкесии.

«Четыре раза в XIX столетии Азиатская Турция становилась для нас театром военных действий, и каждый раз, когда нам там приходилось иметь дело, внимание наше было отвлечено другим театром войны, событиями на Дунае, на Балканах, в Крыму, вообще ходом дел в Европе решалась участь наших войн с Турцией. То же, что совершалось в Азии, служило только придатком к летописям нашей военной славы. <...> Война в Азиатской Турции в представлении русского общества рисовалась чем-то отдаленным и малозначащим — точно не наши сыновья и не наши братья совершали там чудеса геройства и проливали кровь свою, и каждый раз, как громы ее умолкали, самая память о ней как бы исчезала бесследно...» — писал один из участников боев в Закавказье⁵.

Главными противниками в Крыму являлись не турки, а французы с англичанами, и война 1853–1856 гг. воспринималась прежде всего как война с Западом. И центральным пунктом этого политического, военного и «духовного» столкновения был не абстрактный и разноликий Восток, а конкретный Крым, к тому времени уже семьдесят лет как российский. Это обстоятельство и определило «мемориальную географию» Крымской войны, памятники которой посвящены Крыму и Дальнему Востоку при полном забвении Закавказья.

¹ Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2021.

² Москвич Г. Г. Кавказ. Иллюстрированный практический путеводитель. Пг., 1915. С. 341.

- ³ Потто В. А. Карские торжества в 1910 году и четыре штурма Карса. Тифлис. 1911. С. 26–50.
- ⁴ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872; Lapine V. Les noms des navires de guerre // Les sites de la memoir russe. Т. 1. Geographie de la memoire russe / Sous la direction de G. Nivat. Paris, 2007. P. 333–349; Моисеев С. П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948.
- ⁵ Кишмишев С. О. Война в турецкой Армении. 1877–1878 гг. СПб., 1884. С. I. Пар. 1-я.

References

- LAPINE V. *Les noms des navires de guerre* // Les sites de la memoir russe. Т. 1. Geographie de la memoire russe / Sous la direction de Georges Nivat. Paris, 2007. P. 333–349.
- MOISSEEV S. *Spisok korabley russkogo parovogo i bronenosbogo flota (s 1861 po 1917 g.)* [List of ships of the Russian steam and armored fleet (from 1861 to 1917). In Russ.] Moscow, 1948.
- SOKOL K. *Monumentalnie pamiatniki Rossiyskoy imperii*. Katalog [Monumental monuments of the Russian Empire. Catalog. In Russ.]. Moscow, 2021.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. В. Лапин. Историческая память о событиях Крымской войны 1853–1856 гг. на Кавказе // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 33–39

Аннотация: Среди трех десятков вооруженных конфликтов XVIII — начала XX в. с участием России четыре войны выделяются своим отражением в исторической памяти государства и общества. Это Северная война 1700–1721 гг., Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853–1856 гг. и русско-турецкая война 1877–1878 гг. Конкуренцию последней в коммеморативном отношении составила русско-японская война 1904–1905 гг., но Первая мировая война и крушение империи прервали процесс мемориализации событий на Дальнем Востоке. Такое повышенное внимание профессиональных историков, государства и общества к указанным четырем войнам объясняется их особым местом в российском историческом мифе, частотой и остротой актуализации образов участников и событий. При этом борьба империи Романовых с коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии происходила на нескольких театрах военных действий, и только на двух (в Крыму и на Кавказе) бои имели соизмеримые масштабы. Но если в первом случае союзники одержали победу (взяли Севастополь), то во втором успех был на стороне царских войск, что позволило при заключении мира обменять захваченные турецкие земли в Западной Армении на Крым, оккупированный французами и англичанами. Во всех русско-турецких войнах XVIII–XIX вв. обе стороны считали главным Балканский (Дунайский) театр военных действий, тогда как сражения в Закавказье должны были, по замыслу российского командования, отвлечь силы противника. Все это стало причиной того, что в исторической памяти победы в Европе имели гораздо больший символический вес, чем успехи русского оружия в так называемой Азии. Этот евроцентризм отечественного военно-исторического мифа — главная причина более чем скромного отражения боевых действий Кавказской армии в 1853–1856 гг. Это подтверждается количеством различных знаков ратной славы (названия боевых кораблей, количество и объем литературы, баталистика, характер упоминаний в справочниках и учебниках, топонимика, награды, названия воинских частей, фигуры отечественного военного пантеона и т. д.).

Ключевые слова: Крымская война, Кавказский театр боевых действий, историческая память, евроцентризм российского военно-исторического мифа.

FOR CITATION

V. V. Lapin. Historical memory of the events of the Crimean War of 1853–1856 in the Caucasus // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 33–39

Abstract: In the historical record of Russia spanning the 18th to the early 20th centuries, four wars stand out as particularly significant in terms of their reflection in the country's collective memory. These are the Northern War of 1700–1721, the Patriotic War of 1812, the Crimean War of 1853–1856, and the Russian-Turkish War of 1877–1878. The latter competed in commemorative terms with the Russo-Japanese War of 1904–1905. However, the First World War and the collapse of the empire interrupted the process of memorialisation of events in the Far East. This heightened interest among professional historians, the state and society in these four wars can be attributed to their unique position within the Russian historical narrative, as well as the frequency and intensity with which images of participants and events have been actualised. Concurrently, the conflict between the Romanov Empire and the coalition of England, France, Turkey and Sardinia unfolded across multiple military fronts. However, only two of these fronts, namely Crimea and the Caucasus, exhibited comparable levels of intensity. However, in the initial conflict, the Allied forces emerged victorious, capturing Sevastopol. Conversely, in the subsequent war, the Tsarist troops achieved a decisive triumph, enabling the exchange of captured Turkish territories in Western Armenia for Crimea, which was occupied by the French and British. In all the Russian-Turkish wars, both parties regarded the Balkan (Danube) theatre of military operations as the primary one. The battles in the Transcaucasus were intended to repel the enemy forces in accordance with the Russian command's strategic plan. This resulted in historical memory associating victories in Europe with greater symbolic weight than the successes of Russian weapons in the so-called Asian theatre. The Eurocentrism of the Russian military-historical myth is the primary reason for the relatively limited reflection of the military operations of the Caucasian army in 1853–1856. This is corroborated by the multitude of indications of military glory, including the names of warships, the quantity and volume of literature, battle statistics, the nature of references in reference books and textbooks, toponymy, awards, names of military units, figures of the domestic military pantheon, and so forth.

Key words: Crimean War, Caucasian theater of military operations, historical memory, eurocentrism of the Russian military-historical myth.

Автор: Лапин, Владимир Викентьевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, исполнитель по гранту Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (Санкт-Петербург — Тула, Россия).

Author: Lapin, Vladimir Vikentyevich — Dr of Sciences in History, St. Petersburg Institute of History of the RAS, European University at St. Petersburg, the contractor under the grant of the Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy (St. Petersburg — Tula, Russia).

E-mail: lapin.ww@yandex.ru; lapin@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-6231-1977